

Имеется и «первичное обращение» к адресату: «царю», «о царю», однако отсутствует именование себя и обязательная уничижительная самоаттестация.

Прескрипт третьего послания весьма своеобразен. Во-первых, его трудно отделить от семантемы, мотивы прескрипта и повествовательной части присутствуют в одном и том же сегменте текста. Во-вторых, формально Курбский сохраняет все обязательные элементы, но наполняет их иным содержанием. Так, он, с одной стороны, называет адресата «великим царем», а с другой – отказывается его полностью титуловать: «Во странстве пребывающе и во убожестве от твоего гонения, титул твой величайший и должайший оставя, зане от убогих тебе, великому царю, сие непотребно, но негли от царей царем сие прилично таковые именованя со преизлишным продолжением исчитати» (3 : 106). Специфична мотивировка отказа: не подобает ничтожному человеку этого делать. Таким образом вводится обязательный самоуничижительный мотив, но бедственное положение автора спровоцировано поведением адресата. Получается интересный риторический оборот: изгнанный царем автор не решается славить того же царя по причине своего горестного положения и отсутствия желанья.

Мы убедились в том, что в своеобразном построении структурно обязательных этикетных элементов посланий Курбский, с одной стороны, не допускает серьезных отступлений от общепринятых канонов, но, с другой стороны, использует допустимые варианты, чтобы выразить свое отношение к адресату и противопоставить себя невежественному царю.

Библиографический список

1. Антонова М. В. Древнерусское послание Киевского периода. Пособие к спецкурсу. Орел, 2001.
2. Лихачев Д. С. Стиль произведений Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1993. С. 183–213.
3. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским / отв. ред. Д. С. Лихачев. М., 1993.
4. Сметанин В. А. Эпистолология поздней Византии, прозевсис. (Конкретно-историческая часть) // Античность и Средние века. Вып. 15. Свердловск, 1978. С. 60–82.
5. Freydank D. A. M. Kurbskij und die Episolographie seiner Zeit. Offen Fragen der Kyrbksij-Forschung. Zeitschrift fur Slavistik. 1976. H. 3. S. 319.

Е. П. Гурова

Орловский государственный университет

ОБРАЗЫ ПУТИ И ДОМА В «ПОВЕСТИ О САВВЕ ГРУДЦЫНЕ»

Тема странствия в русской литературе представлена довольно широко и во многих случаях является сюжетобразующей основой произведения. Как известно, ее истоки берут начало в фольклорной и житийной традициях. В сказках путешествия связано прежде всего обрядом инициации, когда герой отлучается из дома, затем проходит ряд испытаний и возвращается домой с молодой прекрасной женой

и богатством. Из житийной традиции заимствовано «представление средневекового человека о его “страннической” природе», «желании обрести утраченный рай, это заставляло его искать не только в “горнем мире”, но и на земле» (13 : 55).

Наиболее значительное проявление данной темы связано с типичным для средневекового сознания пониманием Пути и Дома. Эти два концепта – символическая доминанта древней русской литературы. XVII век вносит в традиционную схему перемещений героев новое. Теперь в этой структуре точкой отсчета является родительский дом. Писатель, видя жизнь в соотношении времени, пространства и человека, рисует историю жизни героя, на протяжении которой он проходит духовно-нравственное становление. К числу таких произведений можно отнести и «Повесть о Савве Грудцыне», которая является характерной для переходного периода в истории русской литературы.

Прежде чем обратиться к рассмотрению повести, следует отметить, что Дом – одна из универсальных мифологем мирового фольклора. Он является «смысловым и пространственно-энергетическим центром» (8 : 60), вокруг которого группируются другие мифологемы и образы, в частности образ Пути, и имеет большое количество модификаций. В фольклоре Дом чаще всего – это «перевалочный пункт» на пути героя. М. Петрова выделяет модификации образа: дом-колыбель (люлька), дом-гроб, – которые не только переносят своего обитателя из одной реальности в другую, а трансформируют его, приспособив к той реальности, в которую он попадает. «В люльке человек “доделывается”, наделяется социальными и культурными характеристиками, дающими ему возможность жить среди людей. В гробу человек тоже претерпевает соответствующие изменения, лишается плоти, чтобы попасть в мир бесплотных духов» (8 : 61).

«Словарь символов» толкует образ Дома как «центр мира, замкнутость и защиту, олицетворение космического центра, наш мир, вселенную» (12 : 25).

В «Повести о Савве Грудцыне» образ Дома по-разному соотносится с героями и имеет различное значение в их жизни. Для представителя старшего поколения семьи Усовых-Грудцыных – Фомы – данный концепт, в первую очередь, рассматривается в значении «род» и «семья». Фома Грудцын – представитель богатого знатного купеческого рода, продолжающий дело своих предков, «купец, муж славен и богат зело, именем и прослытием» (5 : 609), который видит в сыне своего преемника, поэтому «поучяще и неленостно таковому делу прилежати повелеваше, дабы по смерти его наследник был имению его» (5 : 609). Кроме того, для Фомы Грудцына Дом является обретенной формой покоя и защиты. Так, во время Смуты, чтобы обезопасить себя и свою семью, герой покидает родной для ряда поколений Грудцыных «великий град Устюг и переселяется в понизовный славный царственный град Казань, зане в понизовых градах не бысть злочастивыя Литвы» (5 : 609).

Дом для героя – это также точка отсчета и одновременно возврата из дальних поездок. В связи с этим возникает ассоциативная пара «дом – семья». Семья и традиции занимают важное место в жизни Фомы. Сцена прощания перед отплытием к Соли Камской тому подтверждение: «И абие обычное целование подаде жене и сыну своему» (5 : 609). Автор изображает Фому заботливым и любящим отцом. Так, узнав о том, что сын, «все богатство, яко изнурих в пианстве и блюде» (5 : 616), он пишет ему эмоциональную епистолию, которую

завершает словами, полными отеческой любви и страданиями: «да вижу чядо, красоту лица твоего» (5 : 617).

Кроме того, Дом для Фомы – это место, где начинается и заканчивается его жизнь: безрезультатно проделав путь в поисках сына, он умирает, «возвратися в дом свой» (5 : 618).

Для главного героя повести Саввы Грудцына первоначально понятие Дом не является константным: родительское «гнездо» сменяется гостиницей, затем домом Бажена Второго, потом сотника Шилова. Постоянную обитель он обретает лишь в монастыре – «этом вечном прибежище русского грешника» (7 : 10), где и «отиде в вечный покой» (5 : 625). Таким образом, значение данного концепта к концу повести расширяется: «Храм — Дом Бога, собирающего и хранящего под своим кровом всех единоверцев» (6: 7). Мотив обретения покоя в доме Божьем сближает произведение с житийной литературой и несет в себе дидактическое начало: истинный христианин должен противиться искушениям земным. Но в то же время нельзя не согласиться с А. С. Деминым, который соотносил такую стремительную перемену мест с возникшими в русской литературе второй половины XVII века потребностями в герое действующем, живом и энергичном: «сегодня купец, завтра солдат, послезавтра инок» (4 : 177).

В повести возникает оппозиция: царство «князя тьмы» – дом Божий. Бесовский град автор характеризует словами, имеющими семантику «темный»: «ризами и поясы украшены златыми, престол висоце, камением драгим и златом преукрашенном» (5 : 615). Причем эпитеты «пояс златой», «камения драгие» и др. употребляются в негативном значении. Этот блеск драгоценностей создает не атмосферу торжественности, а наводит ужас на читателя, так как на фоне его контрастно изображаются слуги дьявола: «юноши темнообразнии, лица же их овых сини, овых багряны, иных же яко смола черны» (5 : 616). Описание царства Божиего вводится в произведение через сон Саввы, где «видех, пришедшу жену светолепну и неизреченною светльостию сияющу, носящу же ризу багряну, с нею же и два мужа некия, сединами украшены. Един убо во одежде архиерейстей, другий же апостолское одеяние носящее» (5 : 623). Ее образ нарисован автором в светлых тонах, в связи с чем ставится акцент на словах «светолепна, сияюща неизреченною светльостию» (5 : 623). Исцелением она спасает Савву от гибели и приводит к истинному пути.

Теперь обратимся к рассмотрению другого, не менее важного концепта в повести – концепта Пути, который тесно переплетается с образом, рассмотренным нами выше. Путь в повести можно рассматривать в двух аспектах: 1) в качестве географического пространства, в котором герой стремительно перемещается; 2) как духовно-нравственное становление героя.

В словаре В. И. Даля Путь определяется через понятие «дорога, ездвая, накатанная полоса, ходовая тропа» (3 : 503), которое имеет глубокие фольклорные корни и «воплощает в себе ряд важнейших семантических параметров мира, имеющих фундаментальное значение в восприятии окружающего пространства и построении общезыковой картины мира» (9 : 229). Отдельные сюжетные звенья волшебной сказки могли послужить жанровым прототипом повести. Так, как утверждает М. О. Скрипиль, некоторые эпизоды анализируемого произведения «сотканы из народнопоэтических мотивов» (9 : 225); И. П. Смирнов сравнивает

отъезд Саввы из отчего дома со сказочной отлучкой (10 : 292). Мы не совсем согласны с последним утверждением, так как в сказке герой вынужден отправиться в путь, выполняя чье-либо задание или исправляя собственные ошибки, в данном случае персонаж покидает дом по собственной воле с четко намеченной коммерческой целью – продать товары.

Следует отметить, что пространство повести то расширяется с упоминанием автором топонимов «Шахова область», «Хвалынское море», Астрахань, Смоленск и др., то сужается до размера дома частного лица (дом Бажена Второго, солдатская казарма, дом сотника). Место действия все время меняется, что придает произведению динамичность.

Путь героя тесно связан и с его судьбой. Возникает своеобразный параллелизм: путешествие в пространстве накладывает отпечаток и на жизнь персонажей. Так, Фома на протяжении всей повести путешествует по одному и тому же торговому пути: «отъезжая вниз Волгою рекою, овогда к Соли Камской, овогда в Астрахань, а иногда же за Хвалынское море в Шахову область» (5 : 609). Жизненный «маршрут» его также остается неизменным. Савва сбивается с пути, отступает от родительского наказа и стремится к самостоятельной жизни. Это наглядно показывает и хаотичная траектория его путешествия: Казань – Орел – Козьмодемьянск – Павлов – Перевоз – Шуя – Москва – Смоленск – Москва.

Следует отметить, что Савва выходит на дорогу новой жизни еще подростком двенадцати лет. Как известно, это переходный возраст. А. Генис объясняет выбор автором подростка тем, что «он существо незаконченное, еще не замкнутое в традиционных житейских формах, вступает в противоречие с внешним миром» (2 : 62). Т. В. Атанасова рассматривает этот аспект через «глубинные потенциальные способности “русского человека” в его общении с другими и с миром, дающие представление об ядре личности – о “внутреннем человеке”» (1 : 46). На наш взгляд, возраст играет значимую роль в повести, так как этим может объясняться и в какой-то степени поведение героя: его желание быть самостоятельным, идти в разрез с общепринятыми нормами и устоями. Ведь отрочество – возраст напряженной жизни человека, тонких рефлексий. Но в то же время в этот жизненный период человек более всего подвержен неблагоприятному влиянию со стороны окружающих, и Савва не стал исключением. Об этом свидетельствует и его любовная связь с женой Бажена Второго, которая, «яко ехидна злая», вводит в грех подростка. (Автор отмечает в повести этот момент: «непрестанно уловляше юношу онаго льстивыми словесы к падению блудному: весть бо женское естество уловляти умы младых к любодеянию» (5 : 611).) А контакт с бесом, который вводит Савву «во пьянство и блуд», завершается мучительной болезнью.

Рассмотренные нами образы Пути и Дома являются текучими и пластичными, имеют различные модификации, но в то же время это одни из самых константных художественных образов в русской литературе, к которым в последующем не раз будут обращаться великие художники слова.

Библиографический список

1. Атанасова Т. В., Кръстева М. В. Мотив странствия молодого человека в русской литературе VII–XIX вв. // Мир русского слова и русское слово в мире. Т. 7. София, 2007.

2. *Генис А.* Иван Петрович умер. Статьи и расследования. М., 1999.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
4. *Демин А. С.* Русская литература второй половины XVII–XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.
5. «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969.
6. *Климова С. В.* Социально-философские аспекты анализа архетипических функций дома // www.anthropology.ru.
7. *Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. Л., 1992.
8. *Петрова М.* Образ дома в фольклоре и мифе // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20–21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб, 1999.
9. *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне // История русской литературы: в 10 т. Т. II. Ч. 2. Литература 1590-х – 1690-х гг. М., 1948.
10. *Смирнов И. П.* От сказки к роману // ТОДРЛ. Л., 1972.
11. *Топоров В. Н.* Пространство и текст // Текст: семантика и структура. М., 1983.
12. *Тресиддер Д.* Словарь символов. М., 1999.
13. *Чумакова Т. В.* «Странник я на земле»: Человек в поисках рая (по материалам древнерусской книжности). Образ рая: от мифа к утопии. СПб., 2003.

М. И. Федоткина

Орловский государственный университет

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА «НЕПОЛЕЗНОЙ ПОВЕСТИ» XVIII ВЕКА

В конце XVII – начале XVIII вв. в России возникает новый тип повести, который современники назвали «неполезным». Сам термин родился из противопоставления произведений полезного чтения и сочинений «неполезных», то есть ничему не обучающих и не назидających. Конечно, собственно русские и переводные занимательные повести, появившиеся в то время в России, толковались как «сочинения “неученые” и “неполезные”», что объяснялось неприятием жанра романа в конце XVII – начале XVIII вв. и неутрачивающими спорами о его пользе (3 : 19–20).

Действительно, на первый взгляд, может показаться, что «неполезные повести» не имеют серьезного идейного содержания, тем более духовно-нравственной основы. Тем не менее в этих повестях, как и в ряде произведений древнерусской литературы предшествующего XVII века, отражается «новая» идеология времени, отличная от традиционно сложившегося мировосприятия. На первый план и в жизни, и в литературе выдвигается личность человека со всеми её недостатками и достоинствами. Существенные изменения происходят и в литературе: развивается художественный вымысел, центр тяжести переносится на беллетристику, развлечение и дидактика переплетаются в одном художественном тексте.

Полагаем, что духовно-нравственная проблематика произведения выражается в характере главных героев. «Неполезные повести» не исключение: именно